

Незримый
ФДА

КТ
КТО
Р

САРДАНА
ОРДАХОВА

Сардана Ордахова

Неучтенный фактор

«Издательские решения»

2015

Ордахова С.

Неучтенный фактор / С. Ордахова — «Издательские решения»,
2015

Далекие семидесятые годы, Якутия. Несчастный случай? Или все-таки злой умысел? Кто за всем этим стоит и при чем тут кровавые алмазы? Вы не сможете оторваться от этой книги, пока не прочитаете ее до конца, совершив путешествие в своеобразной машине времени, которая будет уносить вас по все более туго закручивающейся спирали. Историко-мистическая повесть с неожиданными поворотами и яркими, запоминающимися персонажами, способными на сильные чувства. Такого вы еще точно не читали.

© Ордахова С., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

23

Неучтенный фактор

Сардана Ордахова

Данное произведение целиком является плодом художественного воображения автора, то есть выдумкой, и просьба к читателям не утруждать себя поисками аналогий с реальными событиями и людьми. Их нет.

© Сардана Ордахова, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Наступающий день снова обещал быть очень холодным. Серега Пашенко, беспрестанно зевая и спросонья теряя тапочки, нехотя прошаркал к огромному замерзшему окну. Слегка отодвинув плотные запыленные шторы, сомнительным образом украшавшие его холостяцкое жилище, он некоторое время внимательно всматривался в единственное прозрачное пятно среди толстого слоя серого льда и инея, покрывавшего окно с наружной стороны. Совсем открывать шторы не имело смысла, по крайней мере, ближайший месяц. Увиденное не прибавило оптимизма. Большое здание автовокзала, расположенное всего в сотне метров, сегодня вновь исчезло за стеной плотного белого тумана, а за тройным стеклом бился, пульсировал, негодовал жестокий, беспощадный, неумолимый мороз, будто вызванный некими потусторонними силами.

Нынешняя зима выдалась чересчур суровой даже на вкус коренных северян, к которым, без сомнения, причислял себя Сергей Пашенко, журналист одного из местных ежедневных изданий, выходящих на русском языке, а с недавних пор и заместитель главного редактора.

Туман, казалось, пришел в этот город навечно. Еще в конце ноября установилась температура минус 47 и ниже по Цельсию, и вплоть до позавчерашнего дня весь этот ужас был щедро заправлен густым молочным соусом, то есть туманом. Больше месяца без единой передышки. И только вечером 6 января, в православный сочельник, неожиданно прояснилось, и стало вдруг видно, как огоньки проезжающих машин весело перемигиваются с далекими звездочками на черном праздничном небе, а голубоватый свет мощных уличных фонарей наконец-то пробился в этот мир сквозь зазвеневший от счастья воздух. Такое великолепие продержалось весь следующий день. Город подумал было, что обещана передышка. Секретарша Леночка, в генах которой, казалось, могла бы жить устойчивость к любым природным катаклизмам, когда позвонила вчера, чтобы поздравить с праздниками, робко предположила: «Может, хоть недельку так простоит, а?». На что Сергей, будучи скептиком и пессимистом по натуре, только неопределенно хмыкнул. И сегодня утром, не доверяя прогнозу погоды по пейджеру, который без вариантов обещал этому городу вместе со всеми его жителями перманентный белый Апокалипсис в течение трех зимних месяцев, бросился к окну, как мальчишка. Уу-упс. «А счастье было так недолго... но возможно...» И опять все снова. Впрочем, на Рождество всегда ясная погода – интересно, почему? Спасибо и на этом. Если серьезно, надо будет заняться исследованиями на эту тему. Надо поручить этой... как ее, ну новенькой, племяннице главного, Инне или Инге, все время путаю, впрочем, какая разница? И кто дает детям такие имена?

Сергей опаздывал на работу. Обрывки этих, почти праздных, мыслей скакали в его голове, пока он брился, умывался и торопливо одевался. Кофе он решил попить на работе, посему, тщательно укутав свое чувствительное лицо мягким шерстяным шарфом, покинул квартиру, быстрым шагом спустился по мрачной темной лестнице и без колебаний нырнул в непроглядный туман и вечный, вечный пятидесятиградусный мороз.

Дом Печати его встретил, как всегда, шумом и суетой. Холлы и коридоры все еще сияли мишурой. Журналистский люд приходил в себя после долгих праздников. Впрочем, праздники

еще продолжались, впереди ведь еще новый День Печати и старый Новый Год. Но главное – предстояло избрание народных депутатов в Ил Тумэн, местный парламент, и предвыборная лихорадка сейчас была в самом разгаре. «Тоже ведь праздник». Сергей едва успел заскочить в свой кабинет, крича: «Привет всем, Леночка, кофе, сейчас умру!», как зазвонил телефон. «Сергей Анатольевич?», – вежливо осведомилась трубка солидным баритоном. – У меня для Вас любопытный матерьялец. Про Сатырова. Весьма актуальный именно сейчас. Мы уверены, он вызовет огромный интерес. Проверьте свой мейл». Трубка скоропалительно дала отбой. Сергей поморщился и глубоко вздохнул. До чего противный голос. Вкрадчивый, неестественно вежливый. Так и сказал ведь – «матерьялец». Пашенко задумчиво потер лоб: «Ну что, проверим информацию...» Для начала он решил открыть не общий редакционный, а свой личный ящик, и не ошибся. После введения сложных паролей компьютер весело и бойко звякнул. Да, действительно: «Сергей Пашенко, для Вас одно новое сообщение». Сергей углубился в чтение минут на пять, затем откинулся на спинку кресла. «Матерьялец» почти ничем не отличался от тех, которыми в последнее время забрасывали редакцию, как гранатами, бойцы выборных технологий. Разве что нехарактерная приписка в конце письма: «По факту публикации на Ваш личный счет, номер такой-то, будет переведено 30 000 рублей». Брови Сергея поползли вверх. Рекламная полоса под выборы стоит в два раза меньше. И деньги обычно не переводят на личные счета журналистов, разумеется. Кстати, откуда они знают номер его банковского счета? Что бы это значило?

Слегка прищурившись, Сергей снова уставился на монитор. Несколько строк, которые он еще раз торопливо пробежал по диагонали, не оставили сомнений: да, черный пиар. Ну и что? Мы и не такое печатали. Действительно, странно, за что деньги платят лично ему?

«...кроме того, общеизвестно, что господин Сатыров являлся руководителем этой организации во времена полной бесконтрольности... двадцать семь миллионов рублей повисли в воздухе, так и висят до сих пор, и хоть какие-нибудь следы их невозможно найти...» Сергей улыбнулся, представив висящий в воздухе чемодан, набитый бумажными деньгами, и своего «голубого», как он его сразу мысленно окрестил, корреспондента, обнюхивающего рядом землю в тщетных поисках следов этого чемодана. Хм, раз деньги в воздухе, их и надо искать в воздухе... Кстати, двадцать семь миллионов какими рублями – 89, 91, 98 годов или текущего, 2003? Сергей хорошо помнил времена, когда его родители получали зарплату в миллионах; помнил также, что эти миллионы абсолютно ничего не значили. Стоит огород городить? Читатели опять будут смеяться над ними.

«...известный порок едва не погубил карьеру уважаемого партийного деятеля. Но партия своих не бросает, и в результате многократного упорного лечения верный товарищ был возвращен в ряды номенклатуры... Этот бывший партиец и верный ленинец теперь ратует за демократию...»

То, что человек едва не стал алкоголиком и переборол себя, скорее, станет плюсом в глазах избирателя. А упор на партийное прошлое и вовсе неуместен. Ведь вся страна оттуда... Кстати, видными партийными деятелями становились далеко не самые тупые и даже иногда не самые подлые ребята...

Сергей, прихлебывая мелкими глотками горячий кофе, снова задумался. Этот Сатыров у него уже в печенках сидел. А тысячелетие заканчивалось-заканчивалось, и никак не могло закончиться.

Простой парень из Покровска, городка, расположенного всего в 80 километрах от столицы, что по местным меркам совсем рядом, да еще с ветерком по отличной трассе, Серега Пашенко не мог, конечно, знать, что около двадцати лет назад недалеко от его родного городка, почти в соседнем, можно сказать, улусе, часто затевались крупные партийные мероприятия, называемые охотой. Он еще бегал под столом, уморительно подражая телевизионному Вале-

рию Леонтьеву, самому популярному артисту тех далеких теперь восьмидесятых, уже научился требовать горшок и самостоятельно есть ложкой. Он был спокойным, покладистым и добрым мальчиком, и ничто в его детских повадках не указывало на будущего охотника за сомнительными сенсациями, в которого он быстро превратился за несколько лет работы в полужелтой газетке слегка правого толка. Изданием брезговали серьезные люди, однако простой рабочий люд с удовольствием глотал за ужином и в туалетах «байки быстрого употребления», наспех испеченные в его неглубоких недрах – байки правдивые и не очень. В конце концов, серьезные люди тоже оказались вынуждены считаться с этим бесконечным бредом, где буквально все, даже цвет волос местного руководства, было плохо. А родители Сергея простодушно гордились сыном, первым в их роду человеком с высшим образованием, и искренне восхищались его неожиданными успехами на ниве журналистики. Впрочем, он сам иногда восхищался собой...

* * *

...А мероприятие в тот раз затевалось серьезное. Партийные лидеры прибыли на вертолете, хорошо упакованные. Среди них выделялся Гавриил Гаврильевич Сатыров, так успевший надоесть Сергею Пашенко за время последней предвыборной кампании – из-за того, что вокруг его одиозной фигуры разгорелись нешуточные и не всегда понятные ему страсти. Кстати, отчество в паспорте товарища Сатырова именно так и было записано, согласно местным традициям, невзирая на какие-то там правила. Он был еще сравнительно молод и хорош собой – Сергей едва узнал бы его, встретив в таком виде. Абсолютно седой, обрюзгший старик в дорожном костюме, с тяжелым взглядом и тойонскими¹ замашками, на прошлой неделе заглянувший к ним в редакцию на огонек в сопровождении внушительной охраны, ничем не напоминал того улыбчивого молодежавшего мужчину, сохранившего остатки хорошей физической формы. В те годы он действительно много улыбался и сравнительно мало пил. Синяя шерстяная мастерка ему очень шла, а лыжные брюки с широкими белыми лампасами дополняли образ бывшего спортсмена.

Охотничий домик, заранее подготовленный егерем из местных, встретил уютом и чистотой. Впрочем, это внушительное двухэтажное строение, напоминающее небольшой санаторий, мало напоминало настоящие охотничьи избушки. Гости разложили вещи, наскоро перекусили и немного выпили. Гавриил Гаврильевич вышел на улицу и, переобувшись под длинным навесом в водонепроницаемые сапоги, уселся в отдалении, ожидая, когда же Саша, буфетчик Дома Правительства, уберет со стола остатки еды, приготовит закуску для короткого привала, и наконец можно будет отправиться побродить по окрестным полям и лесам. Местность он знал хорошо. Еще бы не знать. Всю прошлую весну таскался по ней как проклятый, возя зачастившие делегации из центра. На территории этого огромного спецзаказника охота была разрешена в любое время года. Его пышная ухоженность никогда не приедалась Гавриилу Гаврильевичу. Жаль, что нельзя всю Якутию превратить в один большой спецзаказник... И чтобы медведи, люди, зайцы, волки и косули мирно уживались друг с другом. Гавриил Гаврильевич на миг улыбнулся своим мыслям, потом снова задумался. Может, этих чинов из Москвы стоило бы повезти не на охоту, а на прогулку по реке до Ленских Столбов? Но что сделано, то сделано.

А один чин что-то больно неприглядный. Небольшого роста, одет кое-как, скучный. Анекдоты не травит, сплетнями столичными не делится. Вот второй, член ЦК, товарищ Петров, Анатолий Сергеевич – другое дело. Крупный, белый, с громовым голосом и раскатистым хохотом. А этот только моргает и кривит губы, думая, что улыбается. Конечно, Гавриил Гаврильевич не вчера родился и прекрасно знает, где, так сказать, трудится этот, щупленький. Только зачем ему понадобилось таскаться на охоту? Прибывшую вчера делегацию из Москвы разде-

¹ Тойон – господин, начальник

лили на две группы. Первая группа, возглавляемая Степаном Никифоровичем Пахомовым, куда попал и Гавриил Гаврильевич, поехала на природу. Во второй группе, которая отправилась на встречу с трудящимися в образцово-показательный совхоз, находятся деятели поважнее Петрова, при этом ни одного сотрудника органов из центра за ними не увязалось, насколько известно ему, Сатырову. Интересно получается. Неужели у вездесущих товарищей имеется такой пристальный интерес к местным руководителям? Но к кому? Вот этот, шупленький, в серой курточке, сам вчера на охоту вызвался, а теперь ходит чего-то смурной... Эх, о такой охоте раньше и не мечталось. Поймать какого-нибудь отощавшего зайчонка и то считалось большой удачей. Рассеянно следя за размеренными и четкими движениями Саши, собирающего рюкзаки, Гавриил Гаврильевич глубоко погрузился в воспоминания...

* * *

В тот год не было ни зайцев, ни другой какой дичи. То есть, была, конечно, дичь, но ее было мало. Тайга отказалась кормить своих прежде любимых детей – жителей крохотной деревеньки Мастах, расположенной на берегу реки Вилуй. Это благословенный запад Якутии, где время течет медленно, а земля сочится теплым медом. Мать с раннего утра уходила на работу, за что получала жалкие трудовни. Запасов муки было очень мало – в прошлом году поймали, как какого-то преступника, единственного оставшегося в деревне мужчину, однорукого Бааску, за то, что раздал остатки зерна, предназначенного для посева, умирающим от голода односельчанам. Поймали и отправили в лагерь. Бааска был хорошим председателем колхоза...

Шел четвертый год войны. Когда и как она начиналась, Ганя не помнил. С тех пор, как стал узнавать людей и мир вокруг себя, постоянно слышал: «Сэрии, сэрии» («Война, война»). Всегда рассказывали, как хорошо было до, и как плохо стало после. Поэтому он ненавидел само это слово. И еще он ждал отца. Смутно помнил, как непривычно громко, в голос, рыдали женщины, и как большие люди в торбазах скрылись за поворотом, не оборачиваясь. Это первые пятнадцать мужчин уходили на войну. Среди них, говорят, был и его папа. Самым четким и ясным воспоминанием этих проводов была какая-то незнакомая женщина с длинными распущенными волосами. Еще до того, как мужчины скрылись за поворотом, она вышла, нет, выплыла из светлой березовой рощи, вся в белом, встала в сторонке и молча смотрела на всех – уходящих и провожающих. Затем она быстро обошла поляну, как бы паря над травой, и вдруг тоже закричала-заплакала. Это Ганю испугало больше всего, и он тоже, кажется, заплакал. Больше он ее никогда не видел. Пытался как-то спрашивать у матери и ребят, с которыми обычно играл, но они все пожимали плечами – не видели, мол. И только соседская бабушка Агафья, Алаппыйа эмэхсин, как ее все называли, дала ему подзатыльник и сказала: «Никогда никому не рассказывай об этом!». Она умерла от голода прошлой весной, едва не дожив до долгожданных каш из сосновой коры («бэс субата» – так она называлась). Однажды утром Ганя, как обычно, зашел к ней поболтать – одному дома было скучно, и увидел, что она лежит неподвижно, почему-то став совсем маленькой и желтой. Шестилетний пацан сразу понял, что бабка умерла – покойников ему часто приходилось видеть, и он их не боялся. А на бабку Агафью он просто немного обиделся. Ведь она вчера обещала ему рассказать одну сказку, которую он часто просил, хотя знал наизусть. От природы наделенный отличной памятью, Ганя уже тогда мог запоминать достаточно длинные тексты с первого-второго раза. Когда старушка сбивалась или незаметно для него хотела перейти на одну из, так сказать, альтернативных версий, Ганя всегда с негодованием исправлял ее.

...Он почти до самого вечера просидел у бабки, тихо и нараспев рассказывая – то ли себе, то ли ей – длинную-предлинную историю про старушку Бэйбэрикээн с пятью коровами. Тот самый вариант, который предпочитала Агафья. И только вечером, когда мать уже должна была вот-вот вернуться с работы, заметил на колченогом, изрядно побитом жизнью дощатом

столе старушки небольшой мешочек с зерном. Пыльный синий ситчик в желтый цветочек. Он пошел домой, дождался матери и рассказал ей все. Они вместе пошли к Агафье, и мать быстро спрятала от посторонних глаз этот драгоценный дар, и только благодаря ему они продержались до зелени. Старушка Агафья жила одна, так как всех ее троих сыновей убили на фронте. Из них только один успел жениться, остальные были слишком молоды. Невестка, сирота из дальнего наслег, как только забрали мужа на фронт, слегла и вскоре умерла; детей у них не было. Получилось, что самыми близкими людьми Агафьи стали Ганя и его мать.

Вот так спаслись они с матерью в прошлом году, а в этом... Гане исполнилось семь лет. Весна была внезапная, бурная, но что-то слишком ветреная. Вчера Ганя смолот на каменных жерновах последнюю горсть зерна. Ну почему всегда так трудно весной?! Глядя на опухающее лицо своего друга Коли, он вдруг с удручающей ясностью понял, что уже на следующей неделе они не смогут играть вместе... Одновременно до семилетнего Гавриила каким-то внезапным озарением дошло – та женщина в белом никогда не жила в их деревне. Более того, она вообще никогда не жила на земле. Поэтому ее никто не видел и не помнит. Эта женщина – дух этих мест, и плакала она потому, что знала – никто из ушедших на фронт не вернется обратно. Вот почему бабушка Агафья запретила ему говорить о своем видении. Она надеялась, что Ганя ошибся, или что если об этом забыть, то плохое предзнаменование не сбудется. А ведь бабушка Агафья могла и не умереть от голода. Она это сделала ради него. Чтобы он, Ганя Сатыров, выжил в этом непонятном и страшном мире. Все эти мысли пронесли у мальчика в голове с быстротой молнии, оставив глубокий след в просыпающемся сознании. Это была как яркая вспышка. И в этот момент он подумал – что бы ни случилось, я выкарабкаюсь! Я выживу! Я просто должен это сделать.

Коля не дожидаясь Победы двух дней. В тот день им выдали дополнительный паек. И даже по пачке невесты откуда взявшегося, редчайшего чая «Дорообо» (что значит «здравствуй»; так в народе назывался чай «Дружба», на коробке которой были изображены здоровающиеся руки). Ганя смотрел, как оставшиеся в живых танцуют осуохай, тот самый знаменитый Осуохай Победы, который в тот день танцевали на всем огромном пространстве, занимаемом Якутией, рассеянно вслушивался в красивый звонкий голос запевалы, полный радости, но еще больше – горечи, в голоса земляков, по-вилюйски степенно и важно выводящих повтор этих импровизированных стихов, и перед его глазами вставала бабка Агафья, таким странным образом отпечатавшаяся в его сознании, которая дала ему дожить до этого дня, и видел как бы наяву, как они с ней однажды по осени подбирали упавшие с воза ржанные колосинки. Они передвигались короткими перебежками на тонких ослабевших ножках – старый и малый – умело прячась, как настоящие разведчики, и набрали зерна целый карман. Это называлось расхищением государственного имущества, и за это могли посадить.

С войны в Мастах действительно никто не вернулся. Жизнь постепенно налаживалась, наконец, заработала начальная школа, чего Ганя ждал с нетерпением, по распределению приехала семья фельдшеров из России, открылся медпункт. Мама хворала, с фронта вернулся дядя Степан, мамин старший брат, живущий в далеком райцентре. От отца по-прежнему не было никаких вестей. Знающие люди говорили, что его убили в первые месяцы войны, просто в суматохе забыли отправить похоронку.

...К осени мать окончательно слегла, и дядя Степан приехал за ними. Он считал, что в райцентре сестру вылечат. Но разве есть лекарства от непосильного труда, непрерывного горя, постоянного голода и вечно сосущего сердце страха? Сатыровы собрали свой нехитрый скарб, погрузили на телегу, в которую был запряжен здоровенный бык, одолженный в своем колхозе Степаном по случаю окончания сенокосных работ, и отправились зимовать в райцентр. Ганя удобно устроился полулежа между узелками и наблюдал за огромными белыми облаками, лениво проплывавшими по яркому небу такой глубокой синевы, какое бывает только осенью. Бык тащился очень медленно, но зато верно – ритмично и неотвратимо. «Интересно, где кон-

чается небо?», – думал Ганя, укачиваемый этим мерным ходом, и хотел было спросить об этом молчаливого дядю, но побоялся. Он думал об этом так серьезно и долго, что к концу безрадостного и утомительного пути ответ пришел сам собой. «Небо нигде и никогда не кончается», – скорее почувствовал, чем подумал Ганя. И это его почему-то успокоило перед будущим – полным, как он опасался, неприятных неожиданностей.

Райцентр показался мальчишке чуть ли не городом. Во всяком случае, в своем глухом таежном наслеге он не видел столько домов и людей сразу, в одном месте. В большую среднюю школу, предел мечтаний, его приняли не сразу. Дядя долго ходил по каким-то начальникам и что-то доказывал, при этом он всегда брал с собой Ганю, крепко держа за руку, и иногда было слышно, что в этих спорах речь заходила даже о правах советского человека. Наконец все утряслось. И вот с опозданием на две недели новоиспеченный ученик переступил порог школы. Если бы не дядя-фронтовик, туго бы пришлось там сыну «пропавшего без вести». «Люди не пропадают без вести, как комар в тайге, – говорили дети, а ведь некоторые дети иногда бывают неосознанно жестоки. – Наверное, попал в плен или перебежал». На этой почве весь первый месяц Ганя ходил в синяках – обид он не терпел, сразу лез в драку. Дети в его классе в большинстве своем были рослые, сильные – в райцентре не было такого большого голода, как в Мастахе. Потому и бывал постоянно бит. Но однажды учитель истории, сам фронтовик, ненароком услышав предназначенную Гане дразнилку, собрал весь первый класс в директорской и учинил страшный разнос. Это было действительно страшно, главным образом потому, что учитель в конце своей гневной тирады взял и расплакался, а директор ни слова не проронил за все время. Историка уважали и слушались, хотя и был он, что называется, «с придурью». Иногда посреди урока начинал нести полную ахинею, а бывало, особо провинившихся заставлял заучивать наизусть целые главы учебника, и при малейшей ошибке в воспроизведении текста ставил ученика в угол на весь урок. При этом ученик должен был держать в вытянутых над головой руках толстый том «Истории». Говорят, его сильно контузило на войне. Слава богу, первые три года школы история им не грозила.

Как бы то ни было, после того случая Ганю перестали трогать. Тем более, что он быстро нагнал одноклассников и стал одним из лучших учеников.

* * *

Унылый длинный нос русского, коричневые волосы, обрамлявшие коричневое же лицо, сильно отдающее болезненной желтизной, а особенно глаза – немного навывкате, невыразительные, то ли серые, то ли карие, а скорей, просто бесцветные – все это постепенно начало внушать Гавриилу Гаврильевичу брезгливое и опасливое чувство, странную смесь страха, тоски и гадливости, ранее ему неведомую. Это противное чувство исподволь овладевало всем его существом, пока они шли до озера, располагались на привал, попутно знакомя гостей с красотами заказника. «Что же это такое?» – отойдя в сторону от компании, растерянно подумал Гавриил Гаврильевич, усиленно делая вид, что заинтересовался пышным кустом голубики. Гроздь ягод – крупных, сладких, сочных – казалось, сами просились в рот. Гавриил Гаврильевич одним движением набрал полную пригоршню, затем вторую... Ответа не было. Он глубоко вздохнул, посмотрел на низкое серое небо и прислонился к березке. «Барыта кэминэн»², – сказал он сам себе. Эта короткая убойная формула применялась им на крайний случай. Обычно безотказная, даже она сейчас не подействовала. Гавриил Гаврильевич вернулся к своим и увидел, что к их группе присоединилось двое местных парней. «Скорей бы все кончилось», с тоской подумал он, усаживаясь на свое место и наливая очередную рюмку. Но он держался молодцом, умело

² «Все путем»

скрывая накатывавший временами дрожащий комок в горле за беспечной улыбкой и пустыми разговорами. Многолетняя партийная выучка давала о себе знать.

Только вот почему-то все время вспоминалась бабка Агафья. Последний раз он видел ее во сне перед рождением своего первого ребенка. Бабушка была радостная, держала в руках старинную якутскую люльку из бересты и что-то ему говорила, слов он не услышал. Был ли младенец в люльке, он тоже не видел. Тогда, внезапно проснувшись посреди ночи, Гавриил Гаврильевич сразу позвонил в больницу. Медсестра сообщила удивленным голосом, что у его жены, недавно поступившей в роддом на сохранение, только что прошли преждевременные роды.

Так что же ему хочет сообщить Алаппыйа на этот раз? Не то чтоб его постоянно посещали видения, или вещие сны, просто Гавриил Гаврильевич привык доверять своим ощущениям. Сильно развитая интуиция вкупе с почти фотографической памятью много раз спасала его в хитроумных битвах партийного закулисы. И раз ему сегодня постоянно приходит на ум Алаппыйа и особенно ярко вспоминается горькое сиротское детство, значит, должно произойти что-то очень важное, и не дай бог, плохое. Опасность исходила от приезжего, товарищ Сатыров это четко, почти физически чувствовал.

* * *

...Когда хоронили мать, Ганя не плакал. Он стоял, прижавшись щекой к подрагивающему рукаву дяди Степана, и думал о том, что его, наверное, отдадут теперь в интернат. Его бы отдали и раньше, если бы пришла бумага, что отец погиб на фронте – с продуктами в интернате было лучше, а семье дяди кормить лишний рот, не получающий никаких пайков за отца-фронтовика, было тяжело. Пока была жива мать, он питался, конечно, ее колхозным пайком, да и дядя подкармливал, несмотря на косые взгляды тети Зои, своей жены. У них было три дочери – две зануды и задаваки, и одна, средняя, нормальная. Вообще он не очень дружил с Захаровыми, родней своей матери, а родственников по линии отца и вовсе не знал. Только слышал от мамы, что какая-то его тетя живет где-то очень далеко, в большом городе, столице. Город назывался Туймада и представлялся Гане прекрасным, загадочным, сверкающим мегаполисом. Так, полная превратностей жизнь Гавриила Сатырова, последнего из представителей своего рода, сделала очередной вираж и забросила в восьмилетнюю школу-интернат для детей-сирот, расположенный в довольно большом селении Ючюгый недалеко от райцентра.

Конечно, для уха современного человека это звучит дико, но Гане в интернате очень понравилось. Наконец он стал полноправным членом большой дружной семьи. Здесь не было так тоскливо, как в Мастахе, где он иногда целыми днями сидел один-одинешенек, совершенно голодный, или так неудобно, как у дяди, где и дома, и в школе чувствовал себя чужаком. Здесь все были такие же, как он – маленькие горемыки без роду-племени, только что выбравшиеся из такой же головокружительной смертельной битвы, с огромным желанием выжить и большим запасом доброй жизненной энергии. Еда была всегда, воспитатели и учителя – добрые. Это была передышка, подарок судьбы. По выходным мальчики дружно пилили и кололи дрова для котельной, таскали из реки лед, предварительно расколов на аккуратные кубики – традиционный способ заготовки питьевой воды для зимней Якутии. Девочки убирались в жилых корпусах, помогали в столовой. Старшие покровительствовали младшим, особенно новеньким, это называлось взять шефство. Конечно, бывало всякое – сорок детей и подростков, собранных в одном месте, не могут постоянно читать книжки и пилить дрова – случались ведь и ссоры, и драки, но они проходили как-то легко, обиды быстро забывались, потому что были нанесены своим же братом.

Согласно установившейся среди детей всего мира традиции, Ганю сначала слегка, что называется, «обкатали». В первый же день, возвращаясь из столовой, в узком проходе между

учебным и жилым корпусами, он наткнулся на плотный ряд мальчишек своего возраста. «Это новенький, его Ганя зовут!» – вылез вперед вертлявый рыжеватый пацан, толкая Ганю плечом. Ганя набычился и собрался было, в свою очередь, толкнуть его. Ребята одобрительно загудели. «Кто трогает моего подшефного?» – услышали они вдруг над своими головами голос, раздавшийся как бы с неба. Ганя оглянулся и увидел очень длинного, очень худого и почти взрослого парня. Он улыбался, глядя на них. Кажется, почти смеялся, хотя изо всех сил пытался напустить на себя строгий вид. Мальчики расступились, и Ганя, тайком показав своим обидчикам кулак, беспрепятственно прошел по проходу.

Он узнал, что его заступника зовут так же, как и дядю, Степаном. Степа Пахомов учился в предвыпускном классе и действительно был назначен шефом к новенькому. Так как Ганя опоздал к началу учебного года, все старшие ребята уже имели по одному, а то и по два, подшефных. Только Степа – секретарь комсомольской организации школы, да еще несколько очень занятых активистов-общественников, оказались освобождены от этой хлопотной обязанности приказом директора школы. Дополнительную нагрузку Степан взял добровольно, подавая остальным пример комсомольского бескорыстия и отзывчивости. В обязанности шефов вменялось наблюдение за успеваемостью своих подопечных, а также посильная помощь им в быту. Степан добросовестно, каждый вечер, проверял домашние задания Гани, радуясь, что он не доставляет ему больших хлопот в этом плане. Иногда он просил старших девочек заштопать что-нибудь из Ганиной одежды. Хотя чаще всего, вздохнув, брался за иголку сам, отложив на ночь сочинение какого-нибудь важного доклада для какой-нибудь конференции или собрания, каковых в те годы проводилось великое множество. Фактически у Гани появился как бы старший брат.

Конечно, подрасться ему все равно пришлось, только чуть позже. После чего новенького окончательно приняли за своего, позволив на равных делить небогатую трапезу и все совместные дела. Интернатское братство Ганя никогда не забывал. С особенной теплотой думал о Степе, Степане Никифоровиче Пахомове, который после окончания восьмилетки год работал в райцентре, потом уехал в город, окончил там десятилетку и поступил в Московский университет. Спустя много лет, уже став «большим человеком», Гавриил Гаврильевич, выпив рюмочку-другую, любил говаривать: «Советская власть сделала меня человеком».

* * *

Даниил Вербицкий, сотрудник сверхсекретного, потому даже не пронумерованного отдела одной из влиятельных советских спецслужб, с полным правом мог сказать о себе то же самое. Правда, круглым сиротой он не был. Отец погиб на фронте, но мама была жива до сих пор. Она его очень любила, в детстве буквально тряслась над своим ненаглядным Данечкой, или Нанечкой, как она его часто называла. А в войну всеми правдами и неправдами не позволила голодать, хотя у них в деревне были страшные засуха и неурожай. Мама отдала ему все, что у нее было, весь жар своей большой души и всю свою любовь. Даже, совсем не думая об этом, нечаянно поделилась с сыном своим странным и немножко страшным даром. Хотя до сих пор он передавался только по женской линии. Но такова сильная, иногда даже безумная, материнская любовь, которая творит чудеса.

Лет в семь Даня понял, что он не такой, как все остальные дети. А они стали его побаиваться. «Горит крайний дом», – сказал он однажды ни с того ни с сего. К вечеру сгорели Поповы, жившие по соседству, в крайнем доме. Огонь был такой сильный, что они ничего не успели вынести, спасибо, сами выскочили. И так было всегда. К нему приходили какие-то мысли, он произносил (или не произносил) их вслух, и все сбывалось. Дети между собой шепотом называли его «ведьмак» и «колдун», а Даня, лежа на печи, в отчаянии думал: «Как же мне научиться ни о чем не думать?» Мама немножко научила его, как сейчас выражаются, «блоки-

ровать» и защищаться. Но помогало это мало, так как ее методы были рассчитаны на носителей-женщин. Будь у нее дочка, она бы вырастила из нее хорошую ведьму. Что делать с сыном-колдуном, она не знала. В советское время наличие таких способностей вообще отрицалось. Кто имел их, скрывали, как могли, это было позорной семейной тайной. Большинство были бы рады не иметь никакого дара, но раз он им достался, были вынуждены овладевать им – хотя бы для того, чтобы научиться скрывать его и не вредить окружающим. О Данииле прослышали в области, так как нормально скрываться он так и не научился. А дар у него был очень сильный. Опаздывая в школу, он мог ненароком пробежать сквозь стены. На уроке у учителя падала указка, Даня только подумает (опять же случайно!) – «вот он сейчас ее поднимет» – и указка сама прыгала в руки испуганному педагогу. Все его чурались, все от него стонали. И вырос бы он озлобленным на весь свет, отвергнутым людьми отшельником, если бы не счастливый случай. В двенадцать лет Даниила забрали в Москву, в только что открывшийся секретный интернат, замаскированный под интернат для особо одаренных в музыке детей. Стране понадобились экстрасенсы, но страна стеснялась признаться в этом прилюдно.

Здесь он, наконец, вздохнул свободно. Было с кем поговорить и поиграть, кроме матери. С ним сразу стали обращаться уважительно и звали только полным именем – Даниил. Занятия по музыке не напрягали. В сущности, они были нужны только для того, чтобы помочь маленьким экстрасенсам научиться управлять собой, своими эмоциями. Главный акцент ставился на умении внушать свои мысли людям и обходить разнообразные ловушки, расставленные другими экстрасенсами. Все остальное изучалось как бы между прочим. Классы состояли из разновозрастных учеников, так как переход из класса в класс зависел не от успехов в общеобразовательных предметах. К своему удивлению, Даниил оказался далеко не самым одаренным учеником. Он обрадовался этому, так как в своей родной деревне считал себя чуть ли не уродом. А здесь была, например, десятилетняя девочка, круглая сирота из Прибалтики, которая взглядом могла заставить выйти из класса даже преподавателя, сильного колдуна старой, еще дореволюционной закалки. Советский генерал спас девочку от смерти и потому покровительствовал. Вернее, водитель генерала вынес ее из горящего дома, проезжая мимо их разбомбленной деревни. Кроха, которой на вид было два-три года, четко сказала генералу свое имя: Норма Норвилене.

* * *

Ганя не любил художественную самодеятельность. Он не умел ни петь, ни плясать. Даже не играл в шахматы, самую популярную забаву якутских детей тех лет. Зато не было ему равных в единоборствах. Учитель физкультуры заметил его и начал тренировать по хапсагаю.³ В восьмом классе он стал официальным чемпионом района среди школьников. К тому времени он научился побеждать на ысыхах⁴ даже некоторых из взрослых. Жить стало лучше, жить стало веселее. В магазинах в свободной продаже появились продукты. И ткани.

Гавриил Гаврильевич вздохнул и украдкой взглянул на свое заметно выпирающее брюшко. А ведь он был еще неплохим легкоатлетом и боксером. Правда, бокс пришлось рано забросить – не было подходящего тренера, да и не особенно нравилось ему без всякой веской причины колотить по потным лицам своих друзей, попутно уродуя свое лицо тоже. Другое дело хапсагай – долгое кружение, выжидание и изучение характера, тактики партнера, ловкость, хитрость, напор, наконец, молниеносное, едва заметное глазу касание, и – победа. Чистый спорт.

³ Хапсагай – якутская национальная борьба

⁴ Ысыах – праздник начала лета

Спортивную форму он держал долго. Даже будучи руководителем районного масштаба в центральной Якутии, иногда совершал пробежки, тренировался дома. Участвовать в каких-либо, даже дружеских, соревнованиях уже не позволял ранг. А когда его отправили в Москву, Высшую партийную школу, о пробежках и вовсе пришлось забыть. Это не было модно. Приличия требовали ночных застолий с бурными возлияниями. При этом высшей доблестью считалось сохранение трезвой головы как можно долгое время и отсутствие похмелья по утрам. Этой нехитрой науке его научили быстро. Конечно, подобные попойки имели свои несомненные плюсы – налаживались крепкие связи между руководителями из разных концов большой страны, простершейся от Балтийского моря до Тихого океана, от Северного Ледовитого океана до среднеазиатских пустынь, происходил обмен опытом и знаниями. До блеска шлифовалось умение произносить короткие яркие речи без бумажек. В общем, школа была что надо. Жаль только, что некоторые не выдерживали и спивались. Гавриил Гаврильевич выдержал.

А выдержал он потому, что после восьмилетки ему снова пришлось переехать к дяде в райцентр. Уже можно было идти работать на все четыре стороны, но Ганя хотел окончить среднюю школу. У него имелась цель – высшее образование. Какое, он еще не знал, как ни странно – учитывая его врожденную серьезность и целеустремленность. Просто он видел, что те немногие односельчане, сумевшие получить какое-то образование, жили заметно лучше остальных. Учителя являлись самыми уважаемыми людьми в селе. Им предоставляли жилье, бесплатно подвозили дрова и воду, им платили зарплату, а не начисляли трудовни. У них был паспорт. Короче, это была аристократия. К ней Ганя и хотел пробиться каким-то образом. О партийной карьере в те годы он, конечно, и не помышлял. Он попал в ту же школу, в тот же класс. Правда, большая половина ребят отсеклась после восьмого, но все же кое-кто из знакомых остался. С ними он теперь встретился, как со старинными друзьями. Ганя сразу стал популярным мальчиком – спортивная звезда, хорошист. Девчонки время от времени сообщали в записках, что считают его «симпатичным», оригинальная орфография сохранена, и предлагали дружбу. Парни стремились прикоснуться к его славе. А он по-прежнему был один.

Появилась неожиданная проблема – дядя Степан не смог обуздать свою пагубную страсть к алкоголю. Конечно, он и раньше выпивал, все фронтовики пили, но в последнее время у него сильно сдали нервы. Тетя Зоя теперь чуть ли не молилась на прежде нелюбимого племянника. Только Ганя мог удержать дядю в пьяном угаре, а буянил тот страшно – хватал, что попадется под руку, и с криком: «Вперед, в атаку!» кидал в домашних. Иногда это был топор, который они уже устали прятать от него, иногда – куча дефицитных фаянсовых тарелок и чашек. Без всякого повода цеплялся к девчонкам и к жене, иногда даже к Гане, при этом обзывал его фашистом, а тех, конечно, дурами. Но самое опасное было, когда он уходил из дома. Гане с сестрами приходилось следить за ним, ночами бегая по чужим задним дворам, дабы он чего не натворил или чего с собой не сделал. Он часто искал ружье, воображая, что на село напали немцы. ... В общем, Гане было совсем не до девчонок и вечеринок. Запой у дяди продолжались неделями. Часто они с сестрами даже уроки не успевали выучить. Они, как и все дети алкоголиков, тщательно скрывали свою беду и скорее согласились бы на то, чтобы их признали тупыми и нерадивыми, чем детьми алкаша. Хотя многие, конечно, знали истину. В те далекие годы люди пили не так, как сейчас, и алкоголик считался чуть ли не душевнобольным – во всяком случае, являл собой большую редкость. Было не до дури, как говорится.

...Случилось это зимой, ближе к весне. Ганя с грехом пополам заканчивал девятый, вернее, оставалась половина самой длинной, третьей четверти, и еще последняя, четвертая. Новый Год и февраль остались позади. Днем яркое солнце, играя на белом снегу, слепило глаза, но морозы по-прежнему стояли серьезные, особенно по ночам. Ганя пришел из школы, переоделся и собрался было до обеда выйти на несколько минут во двор, как столкнулся в дверях с дядей. Вид у него был заговорщицкий. Ничего хорошего это не предвещало.

– О, Хабырыс! – дядя обрадовался. – Сегодня рано, молодец. Сходи-ка к Петру, он должен мне за те стулья, помнишь? – Дядя плотничал в мастерской, временами брал частные заказы. Гавриил иногда ему помогал. Тетя Зоя под разными предложениями старалась взять деньги у заказчиков сама, иногда предоплатой. Ыстапан возмущался, считал это грехом. «Что, если завтра я умру, заказ не выполню, а деньги ты не сможешь вернуть?», – кричал он, все равно напиваясь в тот вечер. Про стулья Ганя помнил. Деньги за них действительно еще не были уплачены. Но идти через два дома к Седалищевым не хотелось.

– А почему сам не идешь? – спросил он.

– Не могу, на работу опаздываю, на полчаса отпустили, – ответил дядя.

Ганя не стал связывать в голове тот факт, что Степан, опаздывая на работу, все-таки дождется его с деньгами дома. Ослушаться не посмел, быстро сходил к жене Петра Седалищева, взял деньги. Сам Петр находился на работе. Отдал деньги дяде, который встретил его на полпути. «Ну ты того... смотри учись», – неловко пробормотал дядя, торопливо пряча деньги во внутренний карман телогрейки и, не привыкший читать длинные наставления, отправился дальше по своим делам. Ганя пришел домой слегка озадаченный и за обедом рассказал все вернувшейся из хотона⁵ Зое. Тетя вздохнула.

– Ну конечно, кого, как не тебя ему посылать. Маша-то подумала, что ты от меня. Я ведь ей запретила давать деньги Степану.

Мария, мать семейства Седалищевых, была закадычной подругой Зои. Хотя до такого еще не доходило – чтобы женщины сговаривались против мужей. Гане это не понравилось, и он промолчал.

В тот вечер они не дождались Степана. После двенадцати ночи Ганя с тетей отправились искать его, думая, что он где-то свалился по дороге домой. Обошли весь огромный поселок, все кочегарки и мастерские. Вернувшись домой ни с чем, в тревоге улеглись было спать, но через короткий промежуток времени подскочили от резкого стука в дверь. Это был возчик из отдаленной фермы. Когда он, сонный, ехал рано утром в поселок, лошадь внезапно дернулась, да так сильно, что возчик свалился с саней. Выбравшись из сугроба на дорогу, он увидел, что лошадь фыркает и пятаится от лежащего на земле человека. Это был Степан, замерзший до смерти ночью. Очевидно, он перепутал дорогу на ферму с дорогой в поселок, возвращаясь домой из кочегарки, расположенной на отшибе...

Все-таки дядя заменил Гане отца. Живя в интернате, мальчик часто бывал у них, да и дядя временами навещал его, всегда забирая на зимние и летние каникулы. Когда Ганя переехал к нему жить, они вместе делали мужскую работу. Ыстапан был мастеровитый мужик, все у него получалось быстро и ладно. Ганю он хвалил за силу и ловкость. «Зоя мне сына не родила», – сказал он однажды племяннику, когда они вдвоем работали в мастерской. Он сказал это просто так, без всякой связи и неопределенным тоном. Но Ганя понял, что дядя хотел бы называть его сыном. Во всяком случае, весь свой жизненный и рабочий опыт Степан передал благодарному Гане, который очень это ценил, потому что в интернате был всего один воспитатель-мужчина, за чье внимание мальчишки по-настоящему боролись.

Осиротевшие Захаровы провели весну как во сне. Все-таки у них был кормилец, мужчина в доме. Из всех потерь, пережитых доселе Ганей, эта была самая тяжелая. Ыстапан был добрый и сердечный человек, хотя и пьющий. В трезвом состоянии он любил рассказывать, что на войне выживали непьющие и некурящие люди. «Пьяный не соображает, что делает, сам под пули лезет, – рассказывал он. – С курильщиками отдельная беда. Стоял я на дозоре с молоденьким парнишкой из Новгорода. Чуть постарше Ганьки нашего будет. Курильщик был страшный – и когда пристрастился? Стоим, такой холод и такая чернота вокруг – поздняя осень. А поблизости снайпер немецкий работал. Быстрый – черт! Наверное, быстрее Мэхээли

⁵ Хотон – коровник

будет. (Это был прославленный в районе своей меткостью охотник). Нас строго-настрого предупредили – костры не жечь, не курить, не дышать. А парнишка-то тот все ко мне: «Дядя Степан, курить хочу, сил нет». Я ему: «Потерпи». А он: «Ну давай покурю, ничего не будет». «Я тебе не командир, – отвечаю я. – Но если хочешь жить – не кури». «А если покурю, ты никому не скажешь?» – «Нет». Постоял он еще, и опять: «Покурить бы». Потом сказал: «Я вот так прикроюсь» – Здесь дядя показывал, как парень собирался прикрыться – «И спичку зажгу. Потом в кулаке покурю». «Черт с тобой», – отвечаю я, – Только я на всякий случай отойду». Ну прикурил. Тишина. Спичку погасил, подносит папироску в кулаке ко рту. И только поднес – бац! Прямо в правый глаз. На месте умер. «Погиб смертью храбрых», называется. Тьфу, жалко-то как!»

«Хоть я и пью сам, – говорил он Гане – А вернешься домой выпивши – поколочу! Не посмотрю, какой ты там чемпион!». Ганя отшучивался, но потом, досыта наглядевшись кренделей дяди, твердо решил, что это добровольное сумасшествие ему ни к чему. И вплоть до третьего курса университета ни капли в рот не брал. Да и потом пил умеренно.

Вот так и получилось, что закончив девятый, Ганя не смог учиться дальше. Неожиданно он оказался кормильцем семьи – сестры были младше его, и опять надо было как-то выживать. Ему повезло. Грамотного, «почти ученого» парнишку по рекомендации учителей, которая значила очень много, устроили сначала в сельсовет писарем, затем дядин однополчанин и друг Петр Петрович Нестеров, заместитель председателя райисполкома, взял его в отдел физической культуры и спорта инструктором. Инструкторов было несколько, и их работа заключалась в составлении смет и планов спортивных мероприятий, написании статей в местную газету и речей для начальника отдела. Грамотные люди очень ценились, а уж в составлении разных бумаг не было равных семнадцатилетнему Гавриилу Гаврильевичу. Он очень бойко и практически без ошибок писал на двух языках – якутском и русском, хотя на последнем говорил из рук вон плохо.

Он не переставал тренироваться и участвовать в соревнованиях – до тех пор, пока вдруг придирчивые врачи из военной медкомиссии не нашли какие-то затемнения в легких. Туберкулезом тогда болел почти каждый второй, но Ганя почему-то был уверен, что эта напасть его обойдет. Школьные медосмотры он всегда проходил «на отлично». Поэтому психологически довольно тяжело перенес целых полгода в пульмонологическом отделении райбольницы, расположенном в отдаленном сосновом бору. И с досадой думал о том, что служба в армии откладывается, если вовсе не отменяется – так же, как и спортивные соревнования. Он ведь хотел попасть на флот. Понимая, что Гане нужен аттестат зрелости, Петр Петрович заставил его поступить в школу рабочей молодежи, где можно было заочно получить среднее образование. Ганя школу успешно закончил, ничему новому не научившись. Зато в девятнадцать лет он наконец держал в руках аттестат о среднем образовании.

К тому времени старшая из сестер, красавица Вера, которой только исполнилось восемнадцать лет, вышла замуж за тракториста Ивана Парникова. О, тракторист! По-нынешнему, это был чуть ли не космонавт. Чудная железная машина, новенький сверкающий трактор ДТ-54, являлся местной достопримечательностью, предметом гордости и всеобщего восхищения. Он был красив, силен, надежен. Невольно эти качества сельчане переносили на его «хозяина» Уйбана. Он только что вернулся из армии, где служил в танковых войсках и заодно получил права на вождение всех видов машин. Конечно, Уйбаану оказалось подвластно и дите первого гиганта отечественного тракторостроения – прекрасный дизельный трактор Сталинградского тракторного завода ДТ-54.

Так что Захаровы немного оправлялись от постигшего их удара. Зоя продолжала трудиться дояркой, к тому же две младшие девочки все еще получали пенсию за отца. Средняя дочь, Надя, крутила любовь с каким-то приезжим бухгалтером и заканчивала среднюю школу. Избалованная и нежная Люба, мамина и папина дочка, стала молчаливой, мрачной и упрямой –

переходный возраст. Ганя особенно дружил с Надей. Это была открытая, веселая девушка с добрым круглым лицом, симпатичная, хотя и несколько полноватая. Лицом и фигурой она напоминала отца, дядю Степана – коренастая, крепко сбитая, белокожая, со светло-каштановыми волосами и светлыми, почти желтыми глазами. В детстве Надю мальчишки дразнили «куоска», так как обликом она действительно немного напоминала это милое, уютное домашнее животное. Прозвище сохранилось за ней. Ее сестры, напротив, были смугловаты, с темным румянцем на высоких скулах, имели точеные прямые носы, стройные вытянутые фигуры, слегка вьющиеся черные волосы и черные миндалевидные глаза с глубоким загадочным блеском, обрамленные густыми длинными ресницами. Внешность такого типа в шутку называлась «смерть парням». Все самые душевные якутские песни про любовь были написаны в честь таких глаз.

Куоска Надя не проявляла особенных способностей к учебе, в отличие от старшей сестры, которая была бы рада продолжить образование и стать учительницей, да семейные обстоятельства помешали. Надя хотела выйти замуж. По натуре мягкая и жалостливая, она от души жалела кузена, особенно в детстве. Он казался ей мальчиком-сиротой из сказки. Потом, в старших классах, она гордилась им и радовалась, когда девчонки-старшеклассницы передавали через нее записки Гане. По простоте душевной она полагала, что все люди, как и она, мечтают поскорее устроить свои сердечные дела. И удивлялась, что брат оставляет без внимания все предложения о дружбе. Однажды в сильном раздражении он даже воскликнул, что все это глупости, чем безмерно ее огорчил. Ганя, может быть, и не прочь был бы жениться на какой-нибудь красивой, покладистой девчонке, но сначала хотел крепко встать на ноги. Во всяком случае, ни в кого влюблен он не был.

* * *

Матрене Васильевне было тридцать шесть лет. Бездетная вдова, санитарка центральной районной больницы, она жила по соседству с Захаровыми и иногда просила помочь по хозяйству, на что Ганя всегда легко соглашался. Когда мальчику было шестнадцать лет, между ними начались близкие отношения. Это случилось как бы само собой, морозным январским вечером. Надо было срочно разгрузить воз дров, который привезли почему-то позднее, чем она предполагала. Ганя с Матреной Васильевной быстро справились с этой работой, затем она позвала его пить чай. Когда он сидел за столом, доедая большую чашку горячего ароматного чая с молоком и с воодушевлением думая о четвертом квадратике печенья «Октябрь», она подошла к нему сзади и спросила, не сильно ли он замерз. Ганя сказал, что уже согрелся. «А я еще нет», – сказала Матрена Васильевна и приобняла его. Мальчик страшно смутился. «Смотри, руки-то у тебя еще не отогрелись», – сказала женщина и положила свои маленькие белые ладошки на его большие красные ручищи с разбитыми суставами. Действительно, зимой у него постоянно мерзли руки, после пребывания на морозе отходили очень медленно, несмотря на теплые заячьи рукавицы. Матрена Васильевна взяла его руку, погладила и неожиданно провела ею по своей груди. Ганю бросило в жар. Такое и раньше с ним случалось, по утрам или во сне. Он встал и, сам удивляясь своей смелости, обнял женщину. Что дальше с ней делать, он понятия не имел. Матрена Васильевна запечатлела на его дрожащих нежных губах поцелуй, скорее дружеский, чем страстный, и повела в спальню. Ганя вышел оттуда через час, слегка огулушенный и ошарашенный. Он был абсолютно счастлив, как в тот день, когда выиграл первенство района. Подошел к столу, съел еще два печенья и стал торопливо одеваться. Она не вышла его провожать.

С тех пор он время от времени навещал ее под разными предлогами. Матрену Васильевну посещали и другие мужчины. Ганя относился к этому факту спокойно. Уж это она ждала всегда, ни разу еще не отказывала и всегда кормила вкусным ужином. Только

неожиданная смерть дяди приостановила эти геройские вылазки. Однажды в те дни он встретил ее на улице.

– Ганя, зашел бы на днях, – серьезно глядя ему в глаза, сказала Матрена Васильевна.

– Не могу, работы много, – мрачно ответил Ганя, отводя взгляд.

– Может, я сама к вам зайду, – внимательно следя за ним, сказала она.

Ганя пожал плечами. Дело соседское. Подумаешь, зайдет поболтать с тетей. Как будто не ходила к ним никогда. К ним многие ходили, особенно после смерти дяди – надо было поддерживать семью. Но лучше бы она не заходила. Пристала, тоже. Наверное, эти мысли каким-то образом отразились на его лице, потому что Матрена быстро повернулась к нему спиной и пошла своей дорогой. Как будто он ее обругал. Неслыханные черствость и высокомерие, которыми впоследствии прославился среди простого люда партийный тойон Гавриил Гаврильевич Сатыров, уже начинали проявляться в характере угрюмого подростка. Он все время держался немного дичком, так как вынужден был всю жизнь от кого-либо защищаться. А к тринадцати годам он очень устал от того, что многие его жалеют, и стал защищаться уже от людской жалости. Даже став школьной спортивной знаменитостью, он временами настораживался: «А не хвалят ли меня из жалости, только потому, что я сирота?». Отчасти по этой причине он не отвечал на девчоночьи записки. «Может быть, они просто меня жалеют. И потом, что скажут их родители? «Тоже мне, нашла зятка – ни отца, ни матери!». А к таким, как он сам, круглым сиротам, которых тоже было немало, он испытывал только братские чувства.

С Матреной все было по-другому. Насколько он знал, никто из его ровесников не мог похвастаться отношениями со взрослой женщиной – это раз. Во-вторых, ему не надо было ничего ей доказывать, нечего было скрывать – она знала его с семи лет. При этом она никогда не позволяла себе жалеть его – наверное, была хорошим психологом, как сейчас говорят. Но даже ей не удалось измерить всю ширину и глубину гордыни, снедающей душу вечно голодного самолюбивого подростка.

Эта простая, легкомысленная, но чистая душой женщина неожиданно для себя привязалась к странноватому, не по годам взрослому пацану. Муж бросил ее несколько лет назад – как водится, увела лучшая подруга, которую к этому шагу вынудила не столько врожденная подлость или какая-то «большая любовь», сколько послевоенный дефицит мужчин. Меньше чем через полгода совместной жизни с подругой беглый супруг скончался. Односельчане все равно считали Матрену вдовой. Тем более что с детьми в новой семье ее мужа тоже не заладилось. С овдовевшей подругой Матрена не общалась – слишком свежа была рана. Зато без разбора общалась со всеми мужчинами, которые обращали на нее внимание как на женщину. Возможно, в этом заключалась ее месть. Среди ее любовников имелись и женатые мужчины, и молодые холостые парни. Если у кого-либо из ее друзей возникала какая-нибудь проблема, они обычно хватали бутылку и говорили: «А пошли к Матрене!». Водку Матрена пила мало и неохотно – не приучена была. Но она всех впускала, выслушивала, поила чаем с печеньем. Справедливости ради надо заметить, что она ничего от них не требовала – даже помощи в хозяйстве. Бывало, кто-нибудь из парней, движимый чувством сострадания, колол ей дрова на целую неделю, а кто-то натаскивал воды побольше. Но в общем, с этим она справлялась сама. А где непременно и срочно требовались мужские руки и умение, выручал сосед Ганя. Ей нравились его молчаливость и серьезность, забавляла мальчишеская стеснительность. Она была благодарна ему за помощь, но вознаградить бедного сироту ей было нечем. Когда Гане исполнилось шестнадцать лет, Матрена все чаще стала задумываться над этим старым, как мир, видом благодарности. Но таких молодых мужчин у нее еще не было, и долго она не могла решиться. Наконец Матрена решила, что пора. Это оказалось неожиданно приятно и очень волнующе – учить мальчика любить женщину. Все, что Ганя знал о женщинах, он знал от нее. Он был ее творением, а она чувствовала себя богиней, лепящей из неразумной глины живого человека. Будучи прилежным учеником в школе, к сложной науке интимных отношений он

тоже подошел серьезно и основательно. Все схватывал на лету, а уж темпераментом обделен не был – всегда горяч и нескончаем, как июльский полдень на якутском сенокосном лугу.

* * *

Даниил Вербицкий после школы устроился рабочим на машиностроительный завод, поступил на рабфак и затем заочно окончил технический ВУЗ. Это было нужно для официальной биографии – «учился в таком-то интернате, работал там-то, закончил тот или иной ВУЗ». На самом деле он числился консультантом одного из отделов спецслужб, занимающегося изучением настроений в народе. Все выпускники засекреченной школы начинали с этой простой должности – кто в консерваториях и театрах, кто в средних школах, институтах и на заводах. Только редкие «бриллианты» вроде Нормы сразу шли в официальный штат. Ей светило большое будущее.

Прошло несколько лет. В один прекрасный день майор Горяев, личный руководитель Даниила Вербицкого, сказал ему: «Не хочешь попробовать себя в настоящем деле?» – «В каком?» – вскинул глаза Даниил. Они могли предложить все что угодно. Майор загадочно улыбнулся и посмотрел на него долгим испытующим взглядом. «У Нормы», – скорее подтвердил, чем спросил, Даниил. И скорее вздохнул, чем сказал: «Раз нет других вакансий...» «Вакансии есть, – почему-то обиделся майор. – Просто мы решили, что тебе больше подходит работа в этом отделе». Майор не был плохим человеком, просто он болел за своего подопечного и считал, что им обоим оказана большая честь.

Вот так Даниил попал в тот самый непронумерованный сверхсекретный отдел, которым уже два года заведовала его бывшая соученица Норма Норвилене, талантливая протеже генерала Сергеева. Кстати, генерал и его семья оказались в числе немногих, которых обошла послевоенная «чистка» военной верхушки страны. Теперь скорее бравый генерал являлся подопечным когда-то спасенной им маленькой сиротки Нормы. Честный и прямой Сергеев побаивался ее и иногда в глубине души думал, не лучше ли было бы ему сейчас в лагерях. Но вот семья и дети... Впрочем, совершенно справедливо он полагал, что и эти его мысли без труда прочтаны странной девушкой. Прозрачные, абсолютно ничего не выражающие глаза, белые, зачесанные назад волосы, холодная улыбка – Норма невольно отпугивала всех, кто ее видел в первый раз. Вся ее жизнь проходила в работе. Работа заключалась в подготовке «докторов». Так на жаргоне называли людей, которые могли силой мысли убить неугодного партии и правительству человека. И любой врач из любой медэкспертизы вполне искренне констатировал инфаркт, кровоизлияние, перитонит – все, что угодно, кроме убийства. В основном так работали с очень большими чинами или популярными артистами, арест или обыкновенное убийство которых могли взволновать общественность. Сотрудников безномерного отдела впоследствии стали называть пси-киллерами.

Даниил постепенно втянулся в работу. На первых порах он опасался, что у него могут возникнуть проблемы с Нормой, но она оказалась на удивление вежлива и терпелива. У нее был единственный недостаток – она любила свою работу, а такую работу, считал в глубине души Даниил, любить не следовало. О людях, которых надо было убрать, она рассказывала с легким, неистребимым прибалтийским воркованием, ровно и доброжелательно. Она говорила так, как будто предлагала какой-нибудь гвоздик прибить не туда, а сюда. Даниил со временем привык к такому тону. В этот сверхсекретный отдел брали только круглых сирот, на всякий случай. Перед поступлением туда Даниила Вербицкого заставили сделать мыслеформу о том, что он сирота, и отправили матери извещение о его смерти. Конечно, мама не поверила. О том, что она потомственная ведьма, никто не знал, даже в деревне мало кто догадывался. Ее высший пилотаж состоял в умении ставить непробиваемые ни для кого блоки. Поскольку такой сильный дар, как у Даниила, передается только по наследству – от матери к дочери либо от отца

к сыну – эксперты из органов, на всякий случай немного побившись о глухую стену его матери, ничем неотличимую от стены абсолютно не одаренных людей, грешили на его рано погибшего отца.

С мамой Даниил часто разговаривал. Она обычно появлялась перед сном, когда он укладывался спать. «Сынок, я это», – мягким голосом произносила она, чтобы он своим испугом не заставил ее исчезнуть. «Не ходи туда, – сказала она в тот день, когда ему предложили работу в отделе без номера. Не ходи, прошу тебя.» «Убьют ведь», – ответил Даниил. У него не было выбора. Мама грустно сказала: «Разве для этого я тебя родила?» Даниил малодушно промолчал, изнутри весь задрожав. Он понял, что мама предлагает ему выбор. Ведь выбор на самом деле есть всегда. Но он так хотел еще немного пожить на этой планете! Разве это грех – хотеть жить, смеяться, всегда узнавать что-то новое и необычное, просто ездить на трамвае, плавать в ласковом теплом море, гулять по расцветающим лугам, любоваться на небо, звезды и красивых девушек? И он струсил. Вероятно, некоторое время после отказа Даниил мог бы скрываться от своих преследователей с помощью матери. Но это скоро бы кончилось. Мама ведь совсем не знала Норму. Она никак ее не чувствовала, и даже не имела представления, что она вообще существует – редкий случай. Ходили слухи, что на всей земле только одна английская ведьма, работающая на американские спецслужбы, может общаться с Нормой на равных. Норма была неумолима, невозмутима и по-своему справедлива. Это был автомат, заряженный на убийство. Ребята из отдела, а это все были мужчины, между собой называли ее Серп и Молот. Стоит ли говорить, что она знала и об этом! Подразумевалось, что если «объект» избежит аккуратной, в некотором смысле даже деликатной, жатвы неутомимым серпом Нормы, то несчастного настигнет ее беспощадный молот – только мокрое место останется. Сбоев не предусматривалось.

Подчиненных у Нормы было четверо. Это были образованные, веселые, на вид вполне нормальные люди, любители выпить, поболтать, почитать хорошие книжки. У всех были обыкновенные гражданские профессии – инженер на заводе, скрипач симфонического оркестра, преподаватель гуманитарного ВУЗа и школьный учитель математики. Все они считались сиротами, все являлись холостяками, хотя в сексуальной сфере у всех дела обстояли нормально. Просто таково было требование их работодателей. Они встречались раз в месяц, отчитывались о проделанной работе, получали новые задания, общались. «Настоящие», то есть «мокрые», дела «докторам» выпадали редко, где-то раз в год на целый отдел, а то и реже. Чаще всего им предлагали потренироваться на внушении определенных мыслей выбранным группам людей. Чтобы доктора не теряли рабочую форму, так сказать.

А мама стала приходить все реже... Да и сам доктор Вербицкий вспоминал о ней теперь нечасто. Он знал, что мама живет одна, в их стареньком покосившемся домике на окраине. Соседи считали ее несчастной вдовой, единственный сын которой много лет назад погиб, попав в железнодорожную катастрофу, и помогали ей, чем могли. Мама была очень одинока, как и он сам, как и все талантливые люди. Но безграничная, слепая любовь к сыну, которого она обожествляла, не помешала предложить ему жестокий выбор. Хотя она почти не молилась Богу, с детства отторгнутая православной церковью, которая считала таких, как она, «нечистыми», а также советской властью, всю сознательную жизнь учившей ее, что ни Бога, ни черта, ни потусторонних миров не существует, в последние годы ей стало казаться, что она иногда чувствует смутные светлые струи в своей израненной душе. Последняя работа сына внушала ей глубокое отвращение. Тот разговор перед поступлением Нанечки, как она его продолжала называть, в отдел без номера, явился выбором прежде всего для нее. Мудрая женщина предвидела, а может, просто логическим путем вычислила дальнейшую судьбу единственного обожаемого чада. Ей было трудно, почти невозможно предложить тогда Нанечке уйти из этой жизни, но она знала, что так или иначе это непременно случится через несколько лет – и будет хуже.

Поэтому, страшным усилием переборов себя, она решилась. Он не послушался. Предпочел отягощать бессмертную душу грузом многих злых дел. Ее глупый беспомощный мальчик.

Он отдалялся от нее все больше. Мать чувствовала это. И наконец настал день, когда он подумал о ней с раздражением. Мама не обиделась. Она хотела только одного: чтобы Нанечка спасся. Она бы с радостью сделала для этого все.

* * *

Пятое число каждого месяца, независимо от дня недели, был явочным днем для докторов. Они встречались ровно в 17.00 в старой квартире недалеко от книжного магазина на Арбате. Все их знакомые, коллеги были в курсе, что они много времени проводят в этом магазине и возле него. Выглядело действительно так, как будто они увлекались редкими в Союзе изданиями, ведь они на самом деле постоянно покупали с рук, продавали и перепродавали разные дефицитные книги. Через их руки зачастую проходили огромные деньги, не обходилось без проблем с милицией, которой и в голову не могло прийти, кем на самом деле являются пойманные ими за шкурку неумеренные любители Солженицына или, прости Господи, западного глянцевого журнала с похабным содержанием. Это была преотличная маскировка для докторов, которые как нельзя лучше вписывались в этот полулегальный, полукриминальный, но очень интеллигентный мир, и даже имели там хороших знакомых.

В конце лета 1979 года Серп и Молот вызвала доктора Вербицкого в неурочное время. Стояла середина августа, а на больших часах «Заря», расположенных прямо над рабочим местом инженера, отстучало ровно два часа дня. Аккуратный Даниил только что вернулся с обеда на работу. Ему пришлось срочно отпрашиваться – хорошо еще, что ничего не горело. Он очень не любил нарушения размеренного, годами заведенного порядка – встречи только по пятым числам, в пять часов. Нарушения случались крайне редко, всего один-два раза на его памяти. Нырнув в четвертый от центральной проходной завода переулок, он тормознул первую попавшуюся машину и на всех парах помчался по направлению к Арбату. Там он получил больничный лист на три дня и приказ немедленно лететь в Якутию в составе делегации ЦК партии. Даниила заверили, что такую срочную и важную работу могут доверить только ему. На самом деле он подозревал, что просто подошла его очередь. Ведь остальные его коллеги хотя бы по одному разу работали за пределами Москвы, благо график официальной работы им позволял. Даниила в непривычной обстановке еще не проверяли. Вот и настал его черед. «Не все коту масленица», как любил повторять майор Горяев, ныне пенсионер, безмерно гордившийся успехами своего ученика.

* * *

Студенческие годы запомнились Гане чистым, ничем не запятнанным весельем и... частой головной болью. Почти все студенты жили исключительно на стипендию, лишь изредка перебиваясь посылками из дома. Сейчас в это невозможно поверить, но днем серый хлеб, нарезанный горкой, стоял в столовой бесплатно. «У нас никто не умирает от голода». Можно было нацедить кипятка в алюминиевые кружки и пообедать, не заплатив ни копейки. Так и спасались, если успевали туда забежать. Везло ребятам, родные которых жили сравнительно недалеко от столицы. Аккуратно зашитые в холщовые мешочки посылки с провизией они получали чаще остальных. Почти позабытое ощущение голода вернулось к Гане. Вечерами голод так сильно истязал желудок, а главное, сознание новоиспеченного бедного студента, что ему пришлось научиться расслабляться. Пример ему подал один из соседей по комнате, китаец из Вилуйска по фамилии Лю. Он вообще не получал никаких посылок, и при этом утверждал, что стоит ему просто представить себе, что не хочет есть, так голод у него и вправду пропадал.

Ганя на удивление быстро научился этому странному методу борьбы с неудобствами физического мира. Он действительно уже почти не обращал внимания на противное сосущее чувство, вот только в первый и второй дни голодания у него обычно очень сильно болела голова. На третий день, после очередного стакана холодной кипяченой воды, его начинало сильно тошнить, и из желудка обильно исходила противная на вкус желтая жидкость; зато после оставалось только чувство удивительной легкости во всем теле. И без того прежде не толстый, он превратился в подобие спички; казалось, они с Сережей Лю вот-вот исчезнут совсем из числа обитателей этой планеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.